

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ОПИСАТЕЛЬНОМ, СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ И ТИПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

УДК 81

Л.И. Горницкая, Е.В. Муругова

Донской государственный технический университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ОБРАЗ ОСТРОВА-ЗАГРОБНОГО МИРА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

[Gornitskaya L., Murugova E. Image of island as the abode of spirits in Russian folklore]

The article puts forward the analysis of the mythologeme of island focusing on the word picture of island as the abode of spirits and the hell in Russian folklore. Motives and images, which are connected with the semantics of island, are considered.

Key words: mythologeme, motive, image of island, infernal semantics, binary opposition, folklore.

Мифологема острова является одной из универсалий мировой культуры – способом фиксации культурного опыта, выраженного в мифологической и художественной символической форме. Бинарная оппозиция свое/чужое являлась одной из ключевых в славянской мифопоэтической картине мира и значительно повлияла на пространственные модели русского фольклора. В частности, она определила создание особых образов «иного» мира характерных для русской культуры. Образ острова как «чужого» мира включает три взаимосвязанных семантических уровня: 1) остров как рай; 2) остров как ад или загробный мир; 3) остров как инициационное пространство.

То, что одному и тому же локусу придаются антонимичные функции рая и ада, связано со спецификой мифологического мышления славян. Как отмечала Н.А. Криничная, загробное пространство в дохристианской народной культуре воспринимается как единое и может служить как раем, так и адом, а «...присущая дохристианскому мировосприятию нерасчлененность царства мертвых дает о себе знать даже в поздней нарративной традиции» [1, с. 951]. Того же мнения придерживается и Б.А. Успенский: «В славянских языческих представлениях, по-видимому, не было различия ада и рая. Слово «ирий», так же, как и слово «рай», служит вообще обозначением потустороннего мира» [10, с. 54]. Остров, которому придается усиленное значение «иномирности», воплощает этот мировоззренческий пространственный универсализм.

Образ острова как загробного мира включает комплекс инфернальных мотивов, а также мотив «странного строения» с отрицательной семантикой (огненной бани, гробницы, семибашенного дома и т.п.). Пространственные ориентиры, с которыми соотносится местонахождение острова, имеют мортальную природу: «...должен был пристать к Хедострову, в пятнадцати верстах от Челмужского погоста» [4, с. 497]. В структуру образа острова как загробного мира в фольклоре обязательно включаются мотивы смерти, остров

приобретает функции последнего приюта героя: например, «Стеньке на роду было девяносто семь лет. Переправился он через море на зеленый Сиверский остров <...> и кончил Стенька жизнь свою на Сиверском зеленом острове, но дети его не знают, где отец» [4, с. 138]. В заговорах, песнях и причитаниях, кроме того, актуализуются похоронная атрибутика и элементы похоронной обрядности: «На море, на Окияне, на острове, на Буяне, на реке Ярдань, стояла гробница, в той гробнице лежала девица» [6, с. 305].

Обитатели острова inferнальны – это оборотни, ведьмы, колдуны, черти, сам Сатана: «На острове Буяне <.> из полымя выбегала Сатанина <.>» [6, с. 302], «На море, на Океане на острове Буяне <...> эти ветви подбирали бесы и приносили их Сатане Сатановичу» [6, с. 305]. В быличках частично inferнальные функции передаются разбойникам, грабителям. Внешняя атрибутика острова может соотноситься с картиной, тождественной в мифологическом сознании адской, в частности, остров полон огня и дыма, среди которого, вместо мистических бесовских сил, обитают inferнализированные злодеи: «На оконечности острова промышленники увидели *дым* <...> их встретили человек десять здоровых крепких молодцов, вооруженных с ног до головы» [4, с. 497]. Однако следует уточнить, что об inferнальной семантике персонажей-разбойников применимо к фольклорным текстам можно говорить далеко не всегда. Островные разбойники могут наделяться не только inferнальными чертами, но и свойствами другого типа персонажей – фантастических существ, как разбойник-богатырь из былички «О Добрынином острове»: «У Добрыни была шайка разбойников, которая грабила купеческие суда, идущие вниз по реке» [4, с. 473], и ремесло грабителя в быличке не привносит в образ богатыря inferнальные черты. В былине же «Василий Буслаев молиться ездил» островные разбойники обретаю функцию сакральных персонажей. Характер занятий их очевидно преступен:

На том острове на Куминском
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия,
Не много не мало их – три тысячи;
Грабят бусы-галеры,
Разбивают червлены корабли [5, с. 286].

Тем не менее именно казаки-разбойники не только подсказывают Василию дорогу до Иерусалима, неизвестную ему – кощунствующему грешнику, но и дают провожатого до святого города, и за этих разбойников, как и за свою безгрешную мать, Василий в Иерусалиме служит молебн.

Острова в фольклоре являются традиционным местом ведьминских шабашей и находятся либо неподалеку от Лысой горы, либо Лысая гора располагается непосредственно в зоне острова, причем ведьмы прибывают на остров, непременно превратившись в птиц (так, в виде сорок прилетают ведьмы собирать заколдованные травы на остров Иванцов [5, с. 548], только сорокой может прибыть на шабаш ведьма – жена солдата [4, с. 384]).

Птицы (как оборотни, так и те, на чье оборотничество нет указаний в текстах) соединяют мир «свой», земной, привычный, и «другой», загробный – островной мир. Птица-медиатор выбирается из числа изначально наделенных в народных верованиях свойством контакта с потусторонним миром (ворон, петух) – так Е.М. Мелетинский отмечает, что «...Ворон воспринимается как медиатор между жизнью и смертью. Как трупная птица

черного цвета с зловещим криком ворон хтоничен, демоничен, связан с царством мертвых и со смертью» [3, с. 245]. Таким птицам зачастую придается для усиления инферальности образа «магическая» функция главенствования («Есть на море, на Океане, на острове Буяне ворон – всем воронам старший брат <...> и ворон посажен злою ведьмою Киевскою» [6, с. 300]). В ином случае создается особый образ фантастической птицы, описываемой как исключительное существо, наделенное внешними инферальными признаками (птица Финист, птица Гагана: «На том острове Буяне сидит птица Гагана с железным носом, с медными когтями <...>» [6, с. 321]).

Особую связь с островом – «загробным миром» имеют образы камней. На фольклорных островах схоронены клады. В русской фольклорной традиции «большинство кладов «нечистые», заклятые, охраняемые нечистой силой» [2, с. 500] и извещают о своем присутствии горящими огнями, что справедливо и по отношению к островам. Так, в фольклоре казаков-некрасовцев «адский» остров Мада притягателен и манит сокровенными кладами: «Огни на острове по ночам горели синие. Клады указывали, а брать те клады все боялись» [8, с. 210]. Зачастую атрибутика клада связана с магическими числами. Так, Митюша в сказке «Светлана Прекрасная» находит на острове тридцать три драгоценных камня, которые их хозяин – Ворон Воронович – хранил триста лет [9, с. 485–486]. Дуализм национального сознания не дает возможности однозначной трактовки даже образа священного камня Алатыря: на острове (теперь уже не святом, а «поганом») существует его двойник, который наделяется инферальной семантикой, притягивая недуги: «Еще я, раб имярек, выду и выступлю далече в чистое поле к поганому морю, к поганому острову. На том острове есть красной кровавой камень, на том камени сидит лютая тяжелая болезнь красная грыжа» [7, с. 360]. Это проявление характерной для мифа и фольклора амбивалентности образа (вытекающей из его космогоничности и универсальности) является связующим звеном между семантическими уровнями мифологемы.

Таким образом, можно сделать вывод, что семантика острова-ада в русском фольклоре ничуть не менее явна, нежели райская и исследование ее может быть продуктивно для понимания специфики репрезентации в отечественной культуре островной мифологемы. Мы же указали на интервальность топики острова и его обитателей и его взаимосвязь с мотивом клада, «нечистого сокровища».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект. Гаудеамус, 2004.
2. *Левкиевская Е.Е.* Клад // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Международные отношения, 1995.
3. *Мелетинский Е.М.* Ворон // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Рос. Энциклопедия, 1980.
4. Народная проза / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992.
5. Предания земли русской. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

6. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. М.: «Книга принтшоп», 1990.
7. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост., научн. ред. А.Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1995.
8. Сказки и предания казаков-некрасовцев / Сост. Ф.В. Тумилевич. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1961.
9. Сказки: Книга 1 / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. М.: Советская Россия, 1988.
10. Успенский Б.А. К проблеме христианско-языческого синкретизма в истории русской культуры // Вторичные моделирующие семиотические системы. Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1979.

14 ноября 2016 г.